

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

цари, Совет старейшин). Книга А. Г. Лундина содержит также выводы, важные для решения проблем сабейской хронологии.

Уже отмечалось, что источники работы очень трудны для анализа. При нынешнем состоянии сабеистики некоторые детали могут быть различно истолкованы, при этом вероятность того или иного толкования бывает одинаковой. Многие термины очень туманны, поэтому отдельные выводы работы А. Г. Лундина, опубликованные в его предшествовавших статьях, вызвали оживленную дискуссию автора с американским сабестом А. Жаммом и с советским — Г. М. Бауэром. Полемике и с тем, и с другим в книге уделено большое внимание. Дискуссия еще не закончена, поэтому не имеет смысла останавливаться здесь на отдельных сомнительных моментах и недостатках книги А. Г. Лундина. Большинство из них отмечено его оппонентами. Действительно, в некоторых случаях аргументация А. Г. Лундина не кажется исчерпывающей, некоторые толкования и выводы гипотетичны. Большинство допущений автора подтверждается в ходе комплексного исследования, когда из отдельных фактов вырисовывается механизм Сабейского государства. Многие выводы автор проверяет двумя или тремя методами исследования, привлекает различные и разнохарактерные материалы. Выводы и оценки А. Г. Лундина совпадают с выводами других исследователей, параллельно с ним занимавшихся некоторыми проблемами, которых касается автор. А. Г. Лундин сам отмечает, что его работа — лишь первые шаги в исследовании сабейской государственной системы. Новые материалы наверняка приведут к пересмотру некоторых выводов и концепций, но основные характерные черты государства мукаррибов Саба' в книге А. Г. Лундина описаны достоверно и убедительно.

В заключение следует отметить, что выявленный для Сабейского государства принцип сочетания племенных институтов и государства представляет большой интерес для исследования другого государства, возникшего в Аравии, хотя и много позже, но в среде территориально и духовно близкой к Йемену, — арабского халифата. Характерной чертой первых веков развития этого мусульманского государства тоже является сочетание развитых племенных институтов с основами государственности. Это еще раз показывает, что значение книги А. Г. Лундина не ограничивается его вкладом в сабеистику. Она несомненно вызовет интерес у историков, советских и зарубежных.

М. Пиотровский.

Ч. Джумагулов. *Язык сиро-тюркских (несторинских) памятников Киргизии.* Фрунзе, 1971 (Академия наук Киргизской ССР. Отдел востоковедения), 161 с.

Сирийские и сиро-тюркские надгробные надписи, найденные на территории Киргизии в районах Пишпека, Токмака, Алмалыка и в ущелье Зууку, содержат ценный материал для изучения сирийской несторинской культуры, свидетельствуя о ее распространении в Средней Азии, а также для исследований в области тюркской диалектологии, обогатив науку новыми представлениями о фонетике, грамматике и лексике тюркских языков XIII—XIV вв.

Первые находки были сделаны в 1885 г. Ф. В. Поярковым и Н. Н. Пантусовым. В дальнейшем поисками, публикацией и истолкованием надписей занимались многие ученые, в том числе Д. А. Хвольсон, П. К. Коковцов,

С. С. Слущкий, С. Е. Малов, В. В. Радлов. Рецензируемая книга продолжает эту серию работ.

В заслугу автору следует поставить то, что он предпринял попытку систематического описания языка тюркских текстов-надписей. Это первый опыт такого рода исследования, если не считать статей, представляющих лишь краткие очерки общего характера.¹

Ч. Джумагулов предпосылает своей книге обширное введение (с. 5—22), где подробно излагает обстоятельства обнаружения и историю изучения надписей. В сочетании со списком литературы, приложенным в конце, этот раздел дает представление о состоянии изученности вопроса на сегодняшний день. К сожалению, изложение обстоятельств находок самих сиро-тюркских надписей перебивается сведениями о находках изображения несторианского креста без надписей, а также крестовидных тюркских тамг.

Следует заметить, что такого рода изображения отнюдь не всегда связаны с распространением христианства: крест присутствует, например, на некоторых сериях согдийских монет,² выпускавшихся, по всей вероятности, правителями мелких владений Согды в VII—VIII вв., исповадовавшими маздеизм (среднеазиатский зороастризм). Изображение креста, очень близкого по форме к несторианскому кресту сиро-тюркских надписей, засвидетельствовано на хорезмийских оссуариях (VII—IX вв.), обнаруженных в некрополях Ток-калы и Миздахана.³ Эти некрополи — зороастрийские. Следует заметить также, что, вопреки мнению Джумагулова (с. 16), особого манихейского креста вообще не существовало.

С. С. Слущкий, говоря о разновидностях изображения несторианского креста, сообщает, что в Аренбургском музее о. Эзель хранились украшения в виде креста, тождественного несторианскому, которые, однако, ничего общего с христианским не имеют. Он предполагает, что кресты этого типа «представляют собой древнее, общее в тюркско-финском племени украшение, примененное в связи с появлением среди тюрков христианства к изображению великого христианского символа».⁴

В трех главах, следующих за введением, автор на материале тюркских текстов надписей дает очерк фонетики (с. 23—50), лексики (с. 51—65) и морфологии (с. 66—83), причем тюркский язык надписей сопоставляется с уйгурским, узбекским и киргизским языками.

В разделе «Тексты» (с. 87—146) приведены надписи — транслитерация сирийским письмом и русской графикой, транскрипция, перевод и комментарий. Из числа этих надписей 28 были опубликованы ранее Д. А. Хвольсоном, П. К. Коковцовым и С. С. Слущким. Принцип отбора именно этих надписей не оговорен. Наибольший интерес представляют, очевидно, надписи № 29 и 30, ранее не публиковавшиеся.⁵ К сожалению,

¹ См.: Ф. Е. Корш. О туреком языке семиреченских надгробных надписей. Древности восточные, т. I, М., 1893, с. 67—72.

² См.: О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, с. 130. № 746, табл. XIII.

³ Изображение креста на оссуариях Миздахана (8 оссуариев с композицией, состоящей из креста, звезд и креста-звезды). См.: В. Н. Ягодкин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахана. Ташкент, 1970, с. 146—147, рис. 53. Ср. изображение несторианского креста в других археологических комплексах, в частности при раскопках буддийского храма в Киргизии (Л. Р. Кызласов. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археол.-этнограф. экспедиции, т. II, М., 1959, с. 230, рис. 55в).

⁴ С. С. Слущкий. Семиреченские несторианские надписи. Древности восточные, т. I, вып. 1, М., 1889, с. 19—20.

⁵ Краткие сведения о памятнике № 29 с его фотографией были опубликованы в газете «Комсомолец Киргизии» 2 II 1966. См. также: Сиро-тюркские (несторианские) памятники Киргизии. Известия АН Киргиз. ССР, 1967, № 3.

фотография надписи № 29 в книге очень нечеткая и не позволяет проверить чтение, а надпись № 30 публикуется вообще без фотографии.

Мы не беремся судить о тюркологических изысканиях автора, это задача специалистов в данной области; что же касается истолкования им сирийского материала, то здесь надо сделать некоторые замечания.

В кратком предисловии к книге Ч. Джумагулов определяет цель своей работы как «описание фонетических особенностей, а также грамматических форм языка надгробных тюркских (разрядка моя, — А. П.) текстов сирийской письменности XII—XIV вв., найденных на территории Киргизии» (с. 3). Из этой формулировки вытекает, что предметом исследования являются лишь тюркские тексты. Однако среди памятников, приведенных автором, мы видим не только чисто тюркские, но и составные сиро-тюркские надписи. К этой группе текстов Джумагулов относится по-разному. В некоторых случаях он делает попытку анализировать их, в других — сознательно исключает сирийский текст из поля зрения, следуя, по-видимому, примеру своих предшественников — С. Е. Малова и В. В. Радлова, которые выбирали из сиро-тюркских надписей лишь тюркские слова и тексты, оговорив, однако, это обстоятельство уже в самих названиях своих работ.⁶

В данном случае этот путь был бы единственно правильным, ибо там, где Джумагулов пытается анализировать сирийский материал, он встречает трудности, преодолеть которые не в состоянии. Так, в ряде случаев дана неверная транскрипция сирийских имен (п. V, с. 100; п. VI, с. 101; п. 27, с. 136; п. 28, с. 138; п. 31, с. 145). Осталась непонятой в книге самая формула надписи № 27 (с. 136), хотя автор ссылается на Д. А. Хвольсона, который дал точный перевод этой надписи.⁷ В этой же надписи имя Кутлуг-Аша-Куштанч отнесено Джумагуловым к мужским именам, тогда как на самом деле это имя женщины.⁸

В надписи № 15 (с. 119—120) оставлен без перевода весь сирийский текст, включая дату (𐤏𐤍𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏 — в году 1591), в результате чего оказалась искажена вся формула надписи. Комментируя эту надпись, Джумагулов на основании тюркских элементов строит предположения относительно ее содержания, которое раскрывается без труда при чтении сирийского текста. То же в надписи № 8 (с. 106): о форме глагола говорится гадательно — «умер(ла)», тогда как из сирийского текста ясно, что речь идет о смерти мальчика.

В примечаниях к переводу надписи № 19 сказано: «Шенаф — сир. змея» (с. 128). Однако в сирийском языке нет такого слова, нет его, естественно, и в этой надписи, где следует читать: «шнат хэвйā», т. е. «год змеи».

Вызывает недоумение комментарий к надписи № 6 (с. 102—103). Предыдущим исследователям были не совсем ясны последние два слова 1-й строки. По словам Ч. Джумагулова, Д. А. Хвольсон считал, что последние буквы могут быть читаемы лишь в виде *ياسى ناسى* или *ياشى*, но никоим образом не *ياسى* (? — А. П.). Но у Хвольсона сказано иное: «Последние буквы могут быть прочитаны как *ناسى ناسى* или *ياسى ناسى*, но никоим образом не *ياشى*».⁹

⁶ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959; W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial der im Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. Mémoires de l'Acad. des Sciences de St.-Petersbourg, t. XXVII, 1890, N 8.

⁷ D. Chwolson. Syrisch-nesorianische Grabinschriften aus Semiretschie. St.-Petersbourg, 1850, S. 52, N 19₁ (104).

⁸ См.: П. Р. Кокоев. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии. СПб., 1907, с. 455.

⁹ D. Chwolson. Syrisch-nesorianische Grabinschriften aus Semiretschie. St.-Petersbourg, 1897, S. 45.

Эта неточность в цитировании особенно досадна потому, что правильным чтением является именно *ياسى*, а не *ياشنى*. Далее, в комментарии

Джумагулова сказано, что «в переводе Д. А. Хвольсона мы впервые сталкиваемся с указанием времени года». Но в переводе Хвольсона такого указания нет. Это чтение (куз — осень) предложил К. Залеман в примечании к переводу Хвольсона.¹⁰

В 3-й строке Ч. Джумагулов предлагает читать вместо *Саума* (распространенное сирийское имя) *чума*, а, исходя из этого, предыдущее слово понимать как *аура* — болезнь, в целом дает следующий перевод всей надписи: «Осень года лошади была; эта болезнь — чума (т. е. осенью и весной этого года была распространена болезнь чума); пусть ему будет память (или: пусть его место будет спокойным, удобным) этого верующего сына Ильташа» (с. 103).

Этот перевод не может быть принят. Сирийское *м'хайманā* — «верующий» в сиро-тюркских надписях всегда стоит после определяемого, в данном случае оно относится к слову *Саума*, обозначающему имя усопшего. Далее, тюркское выражение *йат полсун* во всех семиреченских надписях завершает формулу, так что нет никаких оснований при переводе выносить его в начало фразы, тем более что этот прием не только не проясняет текст, а скорее запутывает.

Проще всего в данном случае было бы обратиться к работе П. К. Коковцова, где есть исправленное чтение этой надписи: вместо непереводаемого *куиз йас* — «осень йас» следует читать *'унданасы* — «его кончина», вместо *аура* — «болезнь» — *қаура* (фонетическое написание сирийского *קבורה*, — А. П.) — «могила». Перевод этой надписи, данный П. К. Коковцовым, вполне осмыслен и надежен: «В году лошади была его кончина. Это могила Саумы верующего, сына Ильташа. Да будет (ему вечная) память!». ¹¹

Глоссарий, приложенный к текстам, нуждается в тщательной выверке и исправлении, ибо он пестрит ошибками. Так, слово *учāгу* встречается в надписи № 28, ссылка — на № 6; выражение *аудай едта* в надписи № 2, ссылка — на № 1; *алкышлыг* в надписи № 13, ссылка — на № 20; «аскулия» в надписи № 28, ссылка — на № 6; слово *қабра* встречается в надписях № 3—5, 8—10, 12, 15, 19, 27, 28, указаны только № 4, 12.

Вряд ли целесообразно было приводить список имен собственных, поскольку подобный список, но более полный и точный, был составлен и опубликован П. К. Коковцовым еще в 1907 г.¹²

А. Пайкова.

Памятники армянской агиографии, вып. I. Перевод с древнеармянского, вступительные статьи и примечания К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1973, 328 с.

Армянская агиография до недавнего времени практически оставалась неизвестной русскому читателю и недоступной даже для узкого круга филологов — славистов и византинологов. Между тем она представляет несомненный интерес как с точки зрения изучения развития агиографического жанра вообще, так и для прослеживания его особенностей в одной

¹⁰ Там же.

¹¹ П. К. Коковцов. К сиро-тюркской эпиграфике Семпречья. СПб., 1909. с. 785.

¹² П. К. Коковцов. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями, с. 440—458.